

Альфонсо Н. Г. Буддийские ритуальные атрибуты и символы в отечественной и зарубежной историографии / Н. Г. Альфонсо // Научный диалог. — 2018. — № 8. — С. 173—185. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-173-185.

Alfonso, N. G. (2018). Buddhist Ritual Attributes and Symbols in Russian and Foreign Historiography. *Nauchnyy dialog*, 8: 173-185. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-173-185. (In Russ.).

УДК 930*18/20":243+398.348:243(091)

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-173-185

Буддийские ритуальные атрибуты и символы в отечественной и зарубежной историографии

© Альфонсо Нонна Геннадьевна (2018), orcid.org/0000-0003-1376-6008, старший научный сотрудник, Государственный музей Востока (Москва, Россия), orientmus@mail.ru.

Статья посвящена анализу исследований, связанных с ритуальными атрибутами и символами буддизма ваджраяны. Актуальность исследования обусловлена тем, что ритуальная символика играет огромную роль в жизни социума, особенно там, где получил распространение буддизм ваджраяны, — в странах Гималайского региона, Тибетском автономном округе КНР, в Монголии; у бурят, калмыков и тувинцев. Предлагается классификация научных разработок по временным периодам и направлениям исследований. Выполнен обзор соответствующей литературы, издававшейся с конца XIX века до наших дней. Особое внимание уделяется современным научным трудам в области этнографии и искусствоведения. Автор подробно останавливается на анализе историографии по отдельным группам ритуальных атрибутов и символов — это алтарные украшения, молитвенное колесо мани и ритуальный кинжал пурпа. Доказано, что до сих пор учеными исследовались лишь отдельные аспекты ритуальных атрибутов — внешняя форма, функция в ритуале, символическая нагрузка. Показано, что на сегодняшний день не существует полноценных комплексных исследований, посвященных буддийским ритуальным предметам. Поднимается вопрос о необходимости выработки специальной методики этнологического анализа ритуальных атрибутов, которая должна включать в себя лингвистический анализ названия объекта, его иконографические характеристики, способы функционирования и исторический контекст его существования.

Ключевые слова: буддизм ваджраяны; тибето-монгольский буддизм; ритуальные атрибуты; ритуальная символика; ритуальная практика; этнологический анализ.

1. Роль ритуальной практики, символики и культовых атрибутов в изучении культуры общества

Изучение культуры социума невозможно без расшифровки и интерпретации ритуальной символики, поскольку в ней закодированы представ-

ления о структуре мироздания, взаимосвязях всех окружающих вещей, а также причинно-следственных отношениях. К. М. Герасимова, известный российский монголовед, тибетолог и буддолог, писала: «Содержание религиозных представлений неразрывно связано с формой их выражения в символах, атрибутах объекта культа и обрядового действия <...> “Материальное” выражение религиозных представлений обладает глубинной исторической информативностью» [Герасимова, 1989, с. 32]. Особенно широкое поле деятельности для ученых в этом направлении предоставляет буддизм ваджраяны (санскр. «алмазная колесница»), более известный в широких кругах как тибето-монгольский или тантрический буддизм (ранее в историографии использовался термин *ламаизм*), характерной особенностью которого является богатая культовая символика, полифункциональная ритуальная практика и чрезвычайно обширный и разнообразный арсенал ритуальных атрибутов.

Зародившись в Индии, эта форма учения в середине VII века проникает в Тибет, отсюда в XVI веке — на территорию Монголии и далее в XVIII веке — в бурятский ареал. К настоящему времени буддизм ваджраяны получил распространение в странах Гималайского региона, Тибетском автономном районе КНР, в Монголии; у бурят, калмыков и тувинцев.

Комплекс объектов, которые связаны с буддийской религиозной символикой, помимо изображений персонажей пантеона, включает детали внешнего оформления культовых сооружений, декор храмовых интерьеров, алтарные украшения (наборы с изображениями символических жертвенных подношений), культовую утварь (чаши, светильники, чайники, сосуды для святой воды, подносы-мандала), ритуальные инструменты (скипетр ваджра, ручные колокольчики, кинжалы пурпа, зеркала, музыкальные инструменты и др.).

2. Этнографические исследования и экспедиции до начала XX века

Впервые полное описание всего комплекса ритуальных атрибутов составил профессор Санкт-Петербургского университета Алексей Матвеевич Позднеев (1851—1920) — выдающийся монголовед и буддолог. Его книга «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии» [Позднеев, 1993], опубликованная в 1887 году, по праву может считаться энциклопедией по всем вопросам, касающимся буддийского вероучения и ритуалистики в той форме, которую они приобрели к XIX веку в странах Центральной Азии. При этом монография А. М. Позднеева не является сухим схематичным отчетом о его путешествии по Монголии в 1876—1879 годах; ее особая ценность состоит в том, что автор подроб-

но излагает все сведения и комментарии, полученные в беседах с ламами. Таким образом, мы имеем уникальную возможность получить информацию из уст непосредственных носителей буддийской культуры, живших в XIX веке.

На труды А. М. Позднеева опирался немецкий профессор Альберт Грюнведель (1856—1935), составляя обзор буддийской коллекции князя Э. Э. Ухтомского [Грюнведель, 1905]. Ритуальные атрибуты автор распределяет по группам, при этом название предмета указывается на санскрите, тибетском и монгольском языках, что является очень ценным подспорьем в атрибуции вещей.

Из зарубежных авторов этого периода необходимо отметить сочинения Остина Уодделля (Laurence Austine Waddell, 1854—1938) — подполковника британских войск, длительное время пребывавшего в Индии, Китае и соседних странах Гималайского региона. Археолог-любитель и коллекционер восточных древностей, он оставил подробные этнографические описания и зарисовки тибетской ритуальной атрибутики [Waddell, 1895]. Возможно, благодаря непрофессиональному подходу, труды О. Уодделля отличаются высокой эмоциональностью и позволяют ярче представить атмосферу буддийского храма и внутреннюю жизнь тибетского общества в целом на рубеже XIX—XX веков.

До начала XX века практически все труды, посвященные буддизму и этнографии Центральной Азии, носят по большей части описательный, компилятивный характер. Это был период накопления и первичной обработки источников без их критической оценки.

3. Отечественная школа буддологии

Формирование действительно научной школы отечественной буддологии проходило в сложный период. Октябрьская революция 1917 года и последующие годы установления советской власти оказали сильное влияние на деятельность Академии наук и методологический подход в исследованиях древних памятников. Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934) — основатель Института востоковедения АН СССР, занимаясь теоретическими основами буддизма, с особым интересом относился к буддийским преданиям и легендам. В одной из своих работ он писал: «Буддийские легенды, при постоянном сравнении их с буддийскими догматами, ясно покажут нам, как буддизм, попытавшись вступить в борьбу против брахманской церковности и обрядности, весьма быстро перешел к тому, против чего он боролся, — т. е. создал церковь, которая неминуемо связала его с обрядностью» [Ольденбург, 1895, с. 158]. Характерной чертой исследо-

вателей первой трети XX века была попытка разграничения теоретических основ буддизма, которые трактовались как атеистические, и буддийской ритуальной практики.

Вероятно, именно акцент на атеистической концепции буддийской философии позволил провести по инициативе С. Ф. Ольденбурга первую буддийскую выставку в Петрограде в 1919 году. В экспозиции были представлены предметы буддийского искусства из Индии, Монголии, Тибета и Японии. С публичными лекциями выступили академики С. Ф. Ольденбург, Б. Я. Владимирцов, Ф. И. Щербатской, О. О. Розенберг. В очерке С. Ф. Ольденбурга ритуальные атрибуты, в частности, представленные на выставке молитвенные мельницы, относятся, по мнению академика, к «упадочным явлениям и домыслам позабывших о Будде монахов» [Жизнь Будды ..., 1998, с. 60].

Б. Я. Владимирцов в статье «Буддизм в Тибете и Монголии» писал, что параллельно с «философским учением Махаяны <...> стали возникать мистические школы с практикой мистицизма; а в низах, в простонародной среде, незаметно переходили к колдовству, волхованию» [Жизнь Будды ..., 1998, с. 73]. И благодаря последнему, как считает ученый, буддизм с VII века получил широкое распространение в Центральной Азии и приобрел свою особую форму так называемого «тибетско-монгольского буддизма», или ламаизма.

4. Буддийская ритуальная символика и интегральный традиционализм

Совершенно иной подход и оценка буддийской ритуальной символики в тот же период времени сформировались в среде философского направления интегрального традиционализма. Основатель этого направления французский философ Рене Генон (1886—1951) через совокупность символов, присутствующих во всех культурах и религиях, стремился воссоздать единую «Примордиальную Традицию» как первоисточник духовных знаний. Причем одной из главных составляющих единой Традиции Р. Генон считал древнеиндийские тексты Вед и упанишад. К важным сакральным знакам Р. Генон относит ваджру — оружие бога Индры в гимнах Ригведы и основополагающий символ буддизма ваджраяны. Философ трактует ваджру как символическое оружие, наподобие молнии Юпитера [Генон, 1997, с. 354], ось мира и аналог мирового древа.

Большое влияние на формирование взгляда Р. Генона на буддийскую философию оказал индийский ученый Ананда Кентиш Кумарасвами (1877—1947), которого также относят к школе традиционалистов. В отли-

чие от Р. Генона, А. Кумарасвами прекрасно владел письменными источниками, а также был специалистом по индийскому искусству. В его книге «Элементы буддийской иконографии» [Soomaraswamy, 1935] в отдельных главах рассматривается происхождение символики колеса, лотоса и ваджры — главных знаковых форм буддизма в целом и буддизма ваджраяны.

5. Джузеппе Туччи

Классический период буддологии конца XIX века с научными изысканиями середины и второй половины XX века связал итальянский исследователь, ученый с мировым именем Джузеппе Туччи (1894—1984). Блестящее знание санскрита, китайского и тибетского языков позволило ему в период с 1929 по 1948 годы во время научных экспедиций в Тибет подробно исследовать малоизвестные монастыри разных школ, приобрести множество редких буддийских и бонских текстов, собрать коллекцию буддийского искусства. Его фотоархив сохранил бесценные кадры памятников культуры, утраченных в ходе культурной революции в Китае.

Из обширного научного наследия Дж. Туччи особенно важным для изучения ритуальной стороны буддизма является его фундаментальный труд «Религии Тибета» [Туччи, 2005]. В книге представлены практически все стороны религиозной жизни Тибета: описываются этапы распространения буддизма на территории Тибета, формирование и особенности различных буддийских школ, монастырский уклад и феномен отшельничества, религиозные ритуалы и праздники, местные культы и религия бон. Однако описание ритуальных атрибутов носит фрагментарный бессистемный характер.

Монография Дж. Туччи «Теория и практика мандалы» [Tucci, 2001], посвященная структуре и символике мандалы — основополагающего принципа организации сакрального пространства в буддизме ваджраяны, стала новаторским опытом в изучении этой темы. Впервые была предпринята попытка трактовать структурные элементы схемы-мандалы в связи с буддийской концепцией строения вселенной и человека.

6. Исследования второй половины XX — начала XXI веков

Этнографические исследования. Со второй половины XX века в буддологии более четко выделяются отдельные направления исследований: история буддизма и буддийской философии, этнография северного буддизма, буддийское искусство — теоретические труды по иконографии, каталогизация и публикация коллекций скульптуры, живописи, декоративно-прикладного искусства.

В отечественной историографии фундаментальные этнографические исследования, посвященные эволюции религиозной традиции у народов Центральной Азии, проводятся профессором Н. Л. Жуковской. Особое внимание в работах автора уделяется вопросам семантики и символики культовых объектов, а также проблемам взаимодействия и взаимопроникновения буддизма и добуддийских верований. В монографии «Ламаизм и ранние формы религии» [Жуковская, 1977] отдельные главы посвящены анализу таких значимых в буддийской культуре символов и ритуальных атрибутов, как мандала, ваджра и лотос, мировое древо. Источником происхождения этих символов, по мнению автора, являются древние шаманские верования.

Богатый материал собрали авторы книги «Шаманизм и тантра в Гималаях» [Müller-Ebeling et al., 2002]. Наблюдая в течение длительного времени ритуальную практику разных этнических групп и религиозных общин в Непале, исследователи описали многие ранее неизвестные культы тибетских народов, чьи предки переселились на территорию Непала до распространения буддизма в Тибете. Благодаря этому в их среде сохранились характерные черты верований, существовавших у тибетцев до принятия буддизма, что позволяет проследить пути проникновения и взаимосвязи шаманских культов и ритуалов в индуизме и буддизме. Кроме того, в книге довольно подробно описываются и ритуальные атрибуты, используемые современными шаманами и имеющие прямые аналогии в буддийской ритуальной практике.

Исследования по буддийскому искусству. На сегодняшний день существует довольно большое количество исследований и каталогов, посвященных иконографии северного буддизма, но изучению атрибутов, непосредственно участвующих в ритуале, редко уделяется достаточное внимание. Они, как правило, лишь упоминаются в разделах по декоративно-прикладному искусству без анализа их символической и семантической значимости. Уникальный труд Роберта Бира, напротив, посвящен исключительно символическим сюжетам и деталям иконографии буддийских икон-тангка [Beer, 1999]. Автор энциклопедии — английский художник, несколько лет проживший в Индии и Непале и обучавшийся искусству написания тангка у известных тибетских мастеров, систематизировал и описал практически весь массив изобразительных символов, встречающихся в искусстве ваджраяны. Описания Р. Бира часто сопровождаются изложением современных мифов и легенд, которые объясняют происхождение того или иного символа, а также комментариями его буддийских учителей и наставников по поводу композиционных элементов сложных многозначных рисунков.

Однако автор не привлекает какие-либо письменные памятники и плохо представляет себе исторический контекст, в котором развивалось буддийское искусство.

Более глубокие научные изыскания в этой области с точки зрения коммуникационных возможностей различных форм искусства и их роли в ритуале принадлежат профессору Университета Огайо Джону К. Хантингтону. Им опубликовано несколько фундаментальных трудов, посвященных буддийскому искусству Непала, Афганистана, Китая и Тибета; десятки научных статей с привлечением обширного изобразительного материала и нарративных источников. Результатом его многолетней деятельности стало издание в соавторстве с Диной Бангдел объемного тома с иллюстрациями «Сфера блаженства: буддийское искусство для медитации» [Huntington et al., 2003], где описывается история возникновения и развития искусства ваджраяны, формирование системы иконографии, особенности стилей в скульптуре и живописи. Отдельные статьи посвящены наиболее важным ритуальным предметам и атрибутам, но эти разделы носят, как правило, лишь общий ознакомительный характер.

7. Исследования, посвященные отдельным группам ритуальных атрибутов

Специальные научные исследования проводились лишь в отношении некоторых групп ритуальных атрибутов.

АЛТАРНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Благопожелательные символы в виде наборов из восьми и семи «буддийских драгоценностей» — обязательные элементы украшений буддийского алтаря и других сакральных объектов. В статье Н. Л. Жуковской «К вопросу о семантике некоторых предметов ламаистского культа» описывается комплект из восьми предметов-эмблем из коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) г. Санкт-Петербург [Жуковская, 1987]. Появление этих символов Н. Л. Жуковская относит к добуддийскому периоду Древней Индии.

Венгерские ученые, согласно материалам, опубликованным ими в сборнике «Демоны и защитники. Народная религия в тибетском и монгольском буддизме», считают, что происхождение таких украшений связано с «древними царскими регалиями в Индии», и приводят примеры использования буддийских символических «драгоценностей» в народных шаманских ритуалах [Demons ..., 2003, с. 47—49].

Компактный, но в то же время очень информативный свод буддийских благопожелательных символов составил профессор Боннского универси-

тета, тибетский лама Лоден Шераб Дагьяб Ринпоче. Автор обращает внимание на двойственность семантики символических жертв на буддийском алтаре и рассматривает их с точки зрения мирского и духовного восприятия [Дагьяб, 2005].

МОЛИТВЕННОЕ КОЛЕСО МАНИ

Несколько работ зарубежных авторов посвящено молитвенному колесу мани — уникальному атрибуту, которого нет больше ни в одной ритуальной практике. Это вращающиеся цилиндры разных размеров, внутрь которых помещены туго свернутые рулоны бумаги с текстами молитв. Именно о них С. Ф. Ольденбург писал как о «молельных машинах», которыми «недостойные ученики Будды» пытаются заменить непосредственную молитву человека [Жизнь Будды..., 1998, с. 60].

Здесь также основным направлением исследований является вопрос о происхождении этого ритуального атрибута.

Американский синолог Лютер Каррингтон Гудрич прототипом молитвенных мельниц считает вращающиеся книгохранилища, появившиеся в буддийских храмах Китая в VI веке [Goodrich, 1942—1943, pp. 152—160].

Элвин Хантер связывает возникновение молитвенных колес «с неверным истолкованием выражения в индийском буддийском каноне — «вернуть Колесо Закона» [Hunter, 1985, p. 80]. В статье Э. Хантера приводится классификация по разным видам колес относительно размеров и конструкций; дается характеристика этих предметов как произведений искусства.

Дэн Мартин в статье, посвященной семантике молитвенного колеса, впервые привлекает письменные памятники. Ссылаясь на исследования Л. Каррингтона Гудрича, Д. Мартин соглашается с его мнением о происхождении физической формы больших молитвенных колес от вращающихся книжных шкафов китайских буддийских монастырей. Однако ручной молитвенный барабан, как считает автор, — исключительно тибетское изобретение [Martin, 1987, p. 16].

Материал, собранный Лорном Ладнером в книге «Колесо Великого Сострадания» [Ladner, 2000], интерпретируется им с точки зрения практикующего буддиста. Здесь также приводятся выдержки из тибетских письменных источников конца XVIII — начала XIX веков, трактовка символики и преимуществ, которые дает практика молитвенного колеса, современными буддийскими учителями; описывается способ сооружения и наполнения молитвенных цилиндров. Несмотря на то, что на сегодняшний день не известно никаких материальных свидетельств или санскритских текстов об использовании такого атрибута в Индии, все тибетские тексты, на которые ссылается Л. Ладнер, примерно одинаково выстраивают линию передачи практики

молитвенного колеса, начиная с Будды Дипанкары — первого из двадцати четырех будд прошлого, о которых рассказывал своим ученикам Будда Шакьямуни. Л. Ладнер, как практикующий буддист, эту версию поддерживает безоговорочно. Тенденция использования тибетских текстов в исследованиях по буддийской ритуалистике и искусству без соответствующей критической оценки — характерная черта современной историографии.

Ритуальный кинжал пурпа

Изучение кинжала пурпа началось сравнительно недавно. В отечественной историографии нет публикаций, посвященных этому предмету. А среди зарубежных авторов это оружие вызывает жаркие споры, затрагивающие вопросы о происхождении ритуалов, связанных с пурпа, терминологии и иконографии составных элементов кинжала.

Одним из первых к этому атрибуту обратился упомянутый выше Джон К. Хантингтон. В 1975 году им был составлен каталог известных образцов кинжала пурпа и проведена их классификация по внешним признакам [Huntington, 1975]. Вопросы происхождения и способы применения пурпа автором не рассматриваются.

Немецкий ученый-этнолог Томас Маркотти опубликовал переводы нескольких текстов из руководства для практиков пурпа; кроме того, ему удалось описать ритуал с пурпа, сфотографировать происходящее во время службы и провести классификацию кинжалов по их предназначению [Marcotty, 1987]. Относительно происхождения культа пурпа Т. Маркотти утверждает, что он существовал до появления буддизма в Тибете в VII веке н. э.

Против такой точки зрения выступает английский исследователь культа Ваджракилы Мартин Дж. Бурд. Взяв в качестве исторического источника тексты тибетских тантр, а также ссылаясь на археологические находки А. Стейна к северу от Дуньхуана, автор книги «Культ божества Ваджракила» [Boord, 1993] приходит к выводу, что все основные доктрины и ритуалы Ваджракилы происходят из Индии, от деревянного шипа, который использовался при разметке границ и в ведическом ритуале наделялся способностью отгонять злых духов. Эту концепцию Бурд развивает и в последующих своих трудах [Boord, 2002; Boord, 2012].

Его точку зрения разделяют и английский ученые Кати Кантвелл и Роберт Майер, которые перевели и опубликовали ряд тибетских рукописей, обнаруженных в пещерах Дуньхуана и имеющих отношение к традиции пурпа [Cantwell et al., 2008]. Полное игнорирование древнеиндийских письменных источников, невнимательное прочтение тибетских рукописей, а также отсутствие исследований предметного материала приводит

эту группу авторов к ложному заключению об индийском источнике происхождения ритуальной практики пурпа.

8. Заключение

В настоящее время не существует специальных полноценных исследований, посвященных буддийским ритуальным атрибутам и связанной с ними символике. Также не выработана методика этнологического анализа ритуальных предметов и их музейной атрибуции. Исходя из специфики исследуемого материала, можно сделать заключение о том, что необходим комплексный подход, который включает такие категории, как исторический контекст возникновения и существования ритуального объекта, способы его функционирования, лингвистический анализ наименований объекта, иконографические характеристики. Ответы на эти вопросы в свою очередь дают ключ к пониманию как самого религиозного учения, так и механизма его распространения в иноэтнической среде.

Литература

1. *Генон Р.* Символы священной науки / Р. Генон ; [пер. с фр. Ника Тирос]. — Москва : Беловодье, 1997. — 496 с.
2. *Герасимова К. М.* Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма / К. М. Герасимова. — Новосибирск : Наука, 1989. — 320 с.
3. *Грюнведель А.* Обзор собрания предметов ламайского культа кн. Э. Э. Ухтомского / сост. А. Грюнведель. — Санкт-Петербург : типография Императорской Академии наук, 1905. — 178 с.
4. *Дагьяб Лодэн Шераб Ринпоче.* Буддийские символы в тибетской культуре / Дагьяб Лодэн Шераб Ринпоче. — Москва : Шанг-Шунг, 2005. — 168 с.
5. *Жизнь Будды*, индийского Учителя Жизни : пять лекций по буддизму / С. Ф. Ольденбург [и др.]. — Самара : Агни, 1998. — 192 с.
6. *Жуковская Н. Л.* К вопросу о семантике некоторых предметов ламаистского культа / Н. Л. Жуковская // Сборник Музея антропологии и этнографии : XLI : корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ. — Ленинград : Наука, 1987. — С. 137—148.
7. *Жуковская Н. Л.* Ламаизм и ранние формы религии / Н. Л. Жуковская. — Москва : Наука, 1977. — 200 с.
8. *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу / А. М. Позднеев. — Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1993. — 512 с.
9. *Туччи Дж.* Религии Тибета / Дж. Туччи ; [пер. с итал. Альбедиль О. В.]. — Санкт-Петербург : Евразия, 2005. — 448 с.
10. *Beer R.* The Encyclopedia of Tibetan Symbols and Motifs / R. Beer. — Boston, 1999. — 396 p.

11. *Boord M. J.* The cult of the deity Vajrakīla. According to the Texts of the Northern Treasures Tradition of Tibet (Byang-gter phur-ba) / M. J. Boord. — Tring : The Institute of Buddhist studies, 1993. — 271 p.
12. *Boord M. J.* A Bolt of Lightning from the Blue / M. J. Boord. — Berlin : Edition Khordong, 2002. — 368 p.
13. *Boord M. J.* A Roll of Thunder from the Void : Vajrakila texts of the Northern Treasures Tradition : vol. 2 / M. J. Boord. — Berlin : Edition Khordong, 2012. — 432 p.
14. *Cantwell C.* Early Tibetan Documents on Phur pa from Dunhuang / C. Cantwell, R. Mayer. — Wien : Verl. der Österr. Akad. der Wiss., 2008. — 228 p.
15. *Coomaraswamy A. K.* Elements of Buddhist iconography / A. K. Coomaraswamy. — Cambridge, Harvard University press, 1935. — 136 p.
16. *Demons and protectors. Folk religion in Tibetan and Mongolian Buddhism* / B. Keleny (ed.). — Budapest : Ferenc Hopp museum of Eastern Asiatic art, 2003. — 136 p.
17. *Goodrich L. C.* The Revolving Book-case in China / L. C. Goodrich // Harvard Journal of Asiatic Studies. — 1942 (43). — № 7. — Pp. 130—161.
18. *Hunter A.* Tibetan prayer wheels / A. Hunter // Art of Asia. — 1985. — January-February. — Pp. 74—81.
19. *Huntington J. C.* The Phur-pa, Tibetan ritual daggers / J. C. Huntington. — Ascona, 1975. — 76 p. + LXIII plates.
20. *Huntington J. C.* The Circle of Bliss : Buddhist Meditational Art / J. C. Huntington, D. Bangdel. — Los Angeles : Serindia, 2003. — 560 p.
21. *Ladner L.* The Wheel of Great Compassion. The Practice of the Prayer Wheel in Tibetan Buddhism / L. Ladner. — Boston, 2000. — 138 p.
22. *Marcotty T.* Dagger blessing: The Tibetan Phurpa cult : reflection and materials / T. Marcotty. — Delhi, 1987. — 108 p.
23. *Martin D.* On the Origin and Significance of the Prayer Wheel According to two Nineteenth-Century Tibetan Literary Sources / D. Martin // Journal of the Tibet Society. — 1987. — № 7. — Pp. 13—29.
24. *Müller-Ebeling C.* Shamanism and Tantra in the Himalayas / C. Müller-Ebeling, C. Rātsch, B. Shahi. — Rochester : Inner Traditions, 2002. — 310 p.
25. *Tucci G.* The Theory and Practice of the Mandala / G. Tucci. — New York, 2001. — 176 p.
26. *Waddell L. A.* The Buddhism of Tibet or Lamaism with its Mystic Cults, Symbolism and Mythology and its Relation to Indian Buddhism / L. A. Waddell. — London, 1895. — 598 p.

Buddhist Ritual Attributes and Symbols in Russian and Foreign Historiography

© **Alfonso Nonna Gennadyevna (2018)**, orcid.org/0000-0003-1376-6008, senior research scientist, State Museum of Oriental Art (Moscow, Russia), orientmus@mail.ru.

The article is devoted to the analysis of research related to the ritual attributes and symbols of Vajrayāna Buddhism. Urgency of the study is conditioned by the fact that ritual symbolism plays a great role in the life of society, especially where Vajrayāna Buddhism is spread — in the countries of Himalayan region, Tibetan Autonomous region of China, in Mongolia, in among Buryats, Kalmyks and Tuvinians. Classification of scientific research by time periods and directions of research is proposed. A review of the relevant literature published from the end of the XIX century to the present day is made. Special attention is paid to modern scientific works in Ethnography and Art. The author dwells on the analysis of historiography by separate groups of ritual attributes and symbols — altar decorations, the prayer wheel and the Phur-pa — Tibetan ritual dagger. It is proved that until now only certain aspects of ritual attributes — external form, function in ritual, symbolic load — were studied by scientists. It is shown that today there is no full — value complex research devoted to Buddhist ritual subjects. The question of the need to develop a special method of ethnological analysis of ritual attributes, which should include a linguistic analysis of the name of the object, its iconographic characteristics, ways of functioning and the historical context of its existence is raised by the author.

Key words: Vajrayāna Buddhism; Tibetan-Mongolian Buddhism; ritual attributes; ritual symbolism; ritual practice; ethnological analysis.

References

- Beer, R. (1999). *The Encyclopedia of Tibetan Symbols and Motifs*. Boston.
- Boord, M. J. (1993). *The cult of the deity Vajrakīla. According to the Texts of the Northern Treasures Tradition of Tibet (Byang-gter phur-ba)*. Tring: The Institute of Buddhist studies.
- Boord, M. J. (2002). *A Bolt of Lightning from the Blue*. Berlin: Edition Khordong.
- Boord, M. J. (2012). *A Roll of Thunder from the Void: Vajrakīla texts of the Northern Treasures Tradition*. Berlin: Edition Khordong. 2.
- Cantwell, C., Mayer, R. 2008. *Early Tibetan Documents on Phur pa from Dunhuang*. Wien: Verl. der Österr. Akad. der Wiss.
- Coomaraswamy, A. K. (1935). *Elements of Buddhist iconography*. Cambridge: Harvard University press.
- Dayab Loden Sherab Rinpoche. (2005). *Buddiyskiye simvolyy v tibetskoy kulture*. Moskva: Shang-Shung. (In Russ.).
- Genon, R. (1997). *Simvolyy svyashchennoy nauki*. Moskva: Belovodiye. (In Russ.).
- Gerasimova, K. M. (1989). *Traditsionnyye verovaniya tibetsev v kultovoy sisteme lamaizma*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Goodrich, L. C. (1942—43). The Revolving Book-case in China. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 7: 130—161.
- Gryunvedel, A. (1905). *Obzor sobraniya predmetov lamayskogo kulta kn. E. E. Ukhtomskogo*. Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Akad. nauk. (In Russ.).
- Hunter, A. (1985). Tibetan prayer wheels. *Art of Asia*, January-February: 74—81.
- Huntington, J. C. (1975). *The Phur-pa, Tibetan ritual daggers*. Ascona.
- Huntington, J. C., Bangdel, D. (2003). *The Circle of Bliss: Buddhist Meditational Art*. Los Angeles: Serindia.
- Keleny, B. (ed.). (2003). *Demons and protectors. Folk religion in Tibetan and Mongolian Buddhism*. Budapest: Ferenc Hopp museum of Eastern Asiatic art.

- Ladner, L. (2000). *The Wheel of Great Compassion. The Practice of the Prayer Wheel in Tibetan Buddhism*. Boston.
- Marcotty, T. (1987). *Dagger blessing: The Tibetan Phurpa cult: reflection and materials*. Delhi.
- Martin, D. (1987). On the Origin and Significance of the Prayer Wheel According to Two Nineteenth-Century Tibetan Literary Sources. *Journal of the Tibet Society*, 7: 13—29.
- Müller-Ebeling, C., Rättsch, C., Shahi, C. B. (2002). *Shamanism and Tantra in the Himalayas*. Rochester: Inner Traditions.
- Oldenburg, S. F. (et al.). (1998). *Zhizn Buddy, indiyaskogo Uchitelya Zhizni: Pyat lektsiy po buddizmu*. Samara: Agni. (In Russ.).
- Pozdneyev, A. M. (1993). *Ocherki byta buddiyskikh monastyrey i buddiyskogo dukhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniyami sego poslednego k narodu*. Elista: Kalmytskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Tucci, G. (2001). *The Theory and Practice of the Mandala*. New York.
- Tucci, G. (2005). *Religii Tibeta*. Sankt-Peterburg: Evraziya. (In Russ.).
- Waddell, L. A. (1895). *The Buddhism of Tibet or Lamaism with its Mystic Cults, Symbolism and Mythology and its Relation to Indian Buddhism*. London.
- Zhukovskaya, N. L. (1977). *Lamaizm i ranniye formy religii*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Zhukovskaya, N. L. (1987). K voprosu o semantike nekotorykh predmetov lamaistskogo kulta. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii XLI. Koreyskiye i mongolskiye kolleksii v sobraniyakh MAE*. Leningrad: Nauka. 137—148. (In Russ.).